

»»» Пролог

Ян со скукой наблюдал за кривляющимся другом и периодически поглядывал на часы. Пять вечера. Четверг. Тоска смертная. Скорей бы вечер, завалиться в клуб, развеяться, снять напряжение. В девочках проблем не было. Проблема была в Яне. Пресытился.

Нет, девчонки встречались разные. Одни умело прятали интерес, умные, симпатичные, с ними даже приятно вести беседу, другие никогда не скрывали своих намерений: хотели затащить Яна не только в кровать, но и в свою жизнь, мечтали о романтике с красивым парнем на дорогой тачке. А то, что он почти ничего своего не имеет, что сам студент, мало кого волновало. И как-то это все утомляло. Не цепляла ни одна настолько, чтобы Ян согласился на второе свидание. Хватало и ночи. Ночи, чтобы забыть.

«От отношений одни проблемы...» — часто скользила в мозгу назойливая мысль, но в груди царила пустота, которую ничем нельзя было заполнить.

Диса тем временем рассекал по сцене в курчавом парике и старинном сюртуке, расшитом золотыми

нитками, размахивал деревянной рапирой, выкрикивал воинственные реплики.

— Клоун, — равнодушно вымолвил Ян, вставая с ящика. — Хватит придуриваться. Давай уже покончим с этим. Жрать хочу. — Он окинул взглядом инвентарь с реквизитом, который еще нужно было перетащить, и раздраженно поморщился.

Бесполезная внеурочная деятельность, помощь театральному факультету на добровольной основе... если бы не батя-ректор... Как кость в горле.

Специально держит возле себя, словно собаку на привязи. Ни шагу ступить, преподы с радостью докладывали обо всех промашках Яна, и оставалось только соответствовать статусу сына ректора. Быть примером для других. Энтузиастом. Всегда приветливым, отзывчивым. От фальшивой улыбки, навечно приклеенной к губам, сводило скулы. А если кто-то случайно становился свидетелем его истинной натуры, сильно удивлялся. Удивлялся и разочаровывался. Никому не нужен был Ян настоящий — без улыбки на лице, немного грубый и вспыльчивый, временами циничный. Но были ведь и положительные черты характера. На них почему-то уже никто внимания не обращал.

— Какой ты зануда, — хохотнул друг, бросая парик и рапиру в коробку.

Пока они возились с декорациями, на сцену поднялась Крыса, так за глаза называли педагога актерского мастерства. Тощая, серые тусклые волосы, собранные в мышиный хвост, круглые очки,

за стеклами которых даже цвет глаз не разобрать. Маленькие. Темные. Чем не крыса?

— Яшенька, ну попробуй хотя бы? Что ты все за кулисами прячешься? Грех такую красоту скрывать. Не пора ли начать самой играть? Ты зачем вообще в театральную поступила?

— Ольга Андреевна, — прозвучал из зала чистый музыкальный голос. — Я учусь и учусь хорошо, в пьесах на вторых ролях играю. Пою... мне достаточно, — твердо и даже категорично произнесла незнакомка.

Захотелось взглянуть: кто это там такой бессмертный Крысе перечит. У малышки, должно быть, стальные... гм... нервы.

Вместо ожидаемой тирады — Крыса любила драть глотку по делу и без — преподавательница лишь тяжело вздохнула.

— Ладно, Ясь. Пройдемся по той части, в которой Савченко выступает. Песня дочери купца. — И спокойно прошла за рояль. Ни одного грубого слова, ни одного упрека.

Что ж там за Яся такая?

Ян покидал в коробку реквизит и понес, но не через технический ход, а через зал. Так дольше в два раза, но черт возьми... Проклятое любопытство потом не даст покоя. Это же не преступление — взглянуть на девчонку.

Неудобно было идти, сворачивая шею, да еще обзор закрывал торчащий из коробки хлам. Нейлоновые волосы париков щекотали подбородок...

Таинственная Яся, чуть ли не единственная способная возразить Крысе, запела.

Ян запнулся, застигнутый врасплох, настолько голос был чист и знаком. Насколько будоражил кровь, вынуждая мурашки пробегать по телу. Зашевелились волосы на затылке. Ян попытался устоять, но коробка уверенно тянула вперед.

Под тяжестью он качнулся, запнулся о не пойми откуда взявшийся порожек и полетел вперед, инстинктивно откинув ношу, чтобы не придавило.

Голос девчонки сорвался на фальцет. Громыкнуло. Зато Ян смягчил себе падение, выставив руку. Успел порадоваться, что ничего не отбил, но рядом протяжно застонали.

— Яся! Что же это... Как ты? Больно?! Ничего не сломала? — причитая, Крыса рванула со сцены, громко стуча каблуками лодочек, выбивая из досок пыль.

Ян спокойно поднялся, отряхнул ладони, досадливо поморщившись. Брюки испачкал, зацепку о торчащий гвоздик поставил. Он натянул на лицо обворожительную улыбку, подавив раздражение в зародыше, и протянул пытающейся подняться девушке руку.

«Косички», — отметил мимолетно и так же мимолетно заметил, что волосы у малышки медово-золотистые. Крашенные, наверное...

Девчонка задрала голову, хватаясь миниатюрной ладошкой за спинку бархатного кресла и... застыла.

— Не нужно, — выдавила она сипло. В ярких глазах цвета янтаря с зеленью, таких, что не оторваться — завораживают, — мелькнул панический страх.

— Да ладно, — небрежно-миролюбиво усмехнулся Ян. — Я должен загладить вину. — Он попытался ненавязчиво взять малышку за руку, засмотревшись на ее кукольное личико со вздернутым носиком и не ожидая, что девчонка резко возразит.

— Я же сказала, — произнесла она жестко, выпрямляясь. Страх сменился гневом. — Все нормально. — Она попыталась совладать с голосом и резко ахнула, ступив на ногу.

— Обопрись на меня, — подсуетился Ян, отыгрывая роль, но девчонка отпрянула от него, как от демона.

— Не трогай... — вымолвила она деревянным голосом. Ее тонкие, аккуратные пальчики задрожали. — Не прикасайся...

— Соколов! — рявкнула Крыса, выводя из ступора. — Тебе заняться нечем?! Зачем здесь пошел? Дорогу забыл?! Время почти шесть вечера, вы еще ничего не сделали, репетировать мешаете. Или мне ректору доложить?

— Не нужно ректору, — в один голос с девчонкой буркнул Ян и удивленно на нее взглянул, но на фарфоровом лице не осталось и следа от былых эмоций. Невозмутимая маска спокойствия и хладнокровия. На Яна она даже не смотрела.

«Изображает из себя недотрогу? Смешно просто...» — мысленно хмыкнул он, поднимая с пола рассыпанный реквизит.

— Ну, простите, Ольга Андреевна, такого неуклюжего, — протянул Ян, дурачась. — А я вам еще с чем-нибудь помогу. Просите, что хотите.

Преподавательница закатила глаза, нетерпеливо махнув рукой.

— Иди уже, помощник. Завтра закончите.

Ян галантно поклонился и повернулся к Ясе.

— Ты как? В порядке? — Если играть, то до самого конца. До победного. Всегда быть вежливым и учтивым. Всегда...

— Не утруждайся, — равнодушно вымолвила малышка, отходя. — Ольга Андреевна, я отлучусь... мне нужно. На минуту.

Крыса опечаленно вздохнула, тут же грозно взглянув на Яна.

— И чего встал? Сказала же, завтра придете!

— Я понял-понял, — усмехнулся он, примириительно вскидывая руки.

Девчонка гордо прошла мимо, оставляя за собой тонкий шлейф духов, и покинула зал. В голове приятно зашумело, груди коснулось тепло. Появился безумный порыв догнать глупышку и основательно объяснить, что она погорячилась, что, если Яна не игнорировать и не отталкивать, они неплохо могут провести время...

— Даже не думай, — серьезно произнесла преподавательница, качая головой. — Ярослава никогда

не повиснет на твоей шее, как остальные. Выбрось эту шальную мысль из своей дурной головы и не мешай девчонке жить. — Она цокнула языком и направилась обратно к сцене.

Ян застопорился. Душу выворачивали непонятные эмоции. Незнакомые. И не очень-то приятные. Что это за чувство такое? Чувство, толкающее сделать все вопреки? Наоборот. Доказать. Себе. Училке этой. Недотроге. Всем...

«Не мальчик уже...» — одернул он себя и подхватил коробку на руки.

Лучше делом заняться, а там и вечер. Клуб. Текила. Девочки. Все как всегда. И не будет янтарных с зеленью глаз, не будет «земляничных» губ. Смешных косичек и запаха ванили с миндалем. Будут едкий дым, громкая музыка, запах пота и похоти. Все как всегда, да, все как всегда. Так и должно быть...

»»» Глава первая

Кожа рук покраснела, проявлялись первые признаки раздражения, но я продолжала остервенело тереть их. Упорно. Безжалостно. Просто не могла остановиться. Зудящее ощущение в груди только нарастало, а в мозгу тревожно стучала назойливая, словно комар, мысль: «Заразно. Заразно. Заразно...» Проклятая мизофобия.

Я устало опустила плечи, машинально беря мыло. В очередной раз.

Когда это началось?.. Уже не вспомню. Была ли причиной появления фобии болезнь, или что-то другое, сложно сказать. Просто в какой-то момент я стала замечать, что слишком брезглива. Морщилась, когда другие чихали, стараясь закрыться руками, и перед тем, как коснуться дверных ручек; с недоверием стала относиться к общественным местам и заведениям, перестала ходить в кафе и кинотеатры. Дальше больше.

Я обрастала антисептиками и влажными антибактериальными салфетками, в отделении рюкзака навсегда поселилось жидкое мыло. Я ела из одной

и той же посуды, которую мыла сама и никому не позволяла ее трогать, а готовку доверяла только маме. Мытье рук превратилось в навязчивую привычку. И даже зубы я чистила после каждого приема пищи.

При мыслях о поцелуях вырабатывался рвотный рефлекс. Я не могла представить, каково это: соприкоснуться с другим человеком губами, не говоря уже о чем-то большем. Меня бросало в ледяной пот. Тело прошибал озноб, и сердце колотилось, будто обезумевшее, до мелких мушек перед глазами и звона в ушах.

Дожив до двадцати лет, я ни с кем не встречалась. Ни с кем не дружила, не заводила домашних животных, а моя комната напоминала стерильную палату. И не помогали ни терапии, ни прием легких транквилизаторов, не вызывающих привыкания. Они давали лишь временный эффект, лишь ненадолго заглушали мою тревожность. Через месяц все возвращалось на свои места.

Правда, в последний двадцать первый год моей жизни появились заметные улучшения. Я уже не нахожусь в предобморочном состоянии, если коснусь грязной ручки, смело мою руки в общественном туалете, могу проехать на автобусе пару остановок. А все из-за сестры, которая в январе слегла в больницу с тяжелой пневмонией, родные были в командировке, и мне приходилось... пусть через силу, но ради родного человека почти каждый день приезжать в место, напоминающее рассадник заразы.

Я дрожала, заикалась. Рыдала... Без конца поливала все вокруг антисептиком и, о чудо, ничем не заболела. За две недели я ничего не подцепила. После этого случая стало капельку лучше. Легче.

Я и сама понимала, насколько глупо себя веду, но фобия не поддавалась логике, объяснению, контролю. Она просто была. Чужие прикосновения до сих пор вызывали дрожь по телу.

Я горько усмехнулась, закрывая кран, поборола в себе желание достать антисептик и оторвала обычное бумажное полотенце. В туалете универа. Кому-то покажется это смешным, а для меня — настоящий прогресс.

За спиной хлопнула дверь, и в отражении широких, во всю стену, зеркал показалась сестра. В карих глазах скользил немой укор: «Что, опять?»

— Снова сбежала, — невозмутимо констатировала она, скрещивая руки на груди и приваливаясь плечом к стене. Русые волосы растрепались, в хрящике уха поблескивал новый «гвоздик». Я только сейчас обнаружила, что эта ходячая проблема по имени Стася сделала еще один прокол.

У нашего отца странное чувство юмора. Понимаю, он ждал сыновей, а родились мы, но это не повод называть нас Станислава и Ярослава. Однако у него было иное мнение на этот счет...

Плюс моего характера в том, что я никому не читала лекции, насколько грязными и опасными могут быть окружающие нас вещи. Та же стена уборной, на

которую так беспечно опиралась Стася, — представить страшно, какие там бактерии ползают, — поэтому я поборола отвращение и вымолвила:

— Я пыталась держаться, правда. — Глубокий вдох и выдох. И не стоит говорить сестре о том, что ногти у него черные, неаккуратные... К горлу вновь подкатила тошнота. А он меня... этими руками, этими ногтями... — Я же извинилась, не вылетела из зала пулей. Меня даже не вырвало.

Стася скептически хмыкнула.

— Но тебя все равно считают странной.

— Пусть. — Я выкинула влажный комоч бумаги и все же достала салфетки. Так просто к этой ручке я не прикоснусь. Не сейчас. — Ты лучше других знаешь, как много я делаю, чтобы быть нормальной.

Сестра задумчиво кивнула.

— Но я не смогу прикрывать тебя вечно. Тебе просто нужно завести отношения и все пройдет, — хмыкнула она беспечно, доставая из кармана широкой юбки в пол телефон.

— Как у тебя все просто, — усмехнулась я, проходя мимо и касаясь поверхности ручки исключительно сквозь влажные салфетки.

— А что сложного? — флегматично поинтересовалась Стася, придерживая пальцами дверь. Вот так легко. В душе разливалась зависть. Да. Я завидовала. Завидовала постоянно, потому что устала. Устала от себя, от фобии, от всего. Хотела сопливых отношений, хотела романтики, хотела нравиться парням,